

УДК 1(091)
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-16-27>
EDN: CJWLSY

Поступила: 03.10.2024
Принята: 20.01.2025
Опубликована: 10.04.2025

ТЕМА СТРАДАНИЯ В ФИЛОСОФИИ РИМСКИХ СТОИКОВ

Королькова Анна Александровна

Гатчинский государственный университет (Гатчина)

Цель данной статьи — рассмотреть учение римских стоиков с точки зрения их анализа феномена страдания. В процессе исследования раскрывается главный тезис: философия стоиков способна освободить современного человека, порабощенного идеей наслаждения, от страха перед опытом боли и страдания. Считаем подход к текстам Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия через призму страдания новаторским, т.к. в критической литературе, исследующей наследие стоиков, гораздо больше внимания уделялось проблеме удовольствия, нежели страдания. В процессе анализа стоической философии разбираются следующие вопросы: являются ли счастье и страдание взаимоисключающими состояниями? Каковы причины страдания? В чем состоят критерии счастливой жизни? При раскрытии указанных выше вопросов используются историко-философский, герменевтический и логический методы. Особенность стоической школы заключается в утверждении созидательной роли боли на пути к становлению самим собой. Идея стоиков о способности страдания высветить духовную силу человека сообщает стоической концепции терапевтическую силу. Экзистенциальная значимость стоического подхода к страданиям подтверждается научно-практической деятельностью австрийского ученого Виктора Франкла. Логотерапия Франкла, основанная на преодолении «экзистенциального вакуума» через поиск смысла, возрождает фундаментальное положение стоической этики: ни один человек не свободен от страданий, однако каждый свободен в выборе своей установки по отношению к страданию. В статье обосновывается общий для всех римских стоиков принцип, утверждающий неразрывную связь между нашими убеждениями и способностью выдерживать удары судьбы. Автор подробно разбирает, какие именно представления обладают целительной силой и составляют основу «терапевтической программы» стоиков. Этика стоиков раскрывается автором статьи не изолированно, но в контексте целостного философского учения, с учетом внутренних взаимосвязей логики, физики и этики. Особую ценность работе придает авторский анализ логической аргументации Зенона и Сенеки, посвященной теме страдания. Проблема актуальности стоицизма в современности обсуждается автором с привлечением как античных, так и современных текстов. В частности, осуществляется критика «поп-стоицизма», сводящего целостное учение стоиков к разновидности психотерапии. В условиях превращения современного стоицизма в настоящую мега-индустрию на Западе, считаем, что именно обращение к философским первоисточникам способно противостоять редукции идей стоиков к набору жизненных советов о том, как стать успешнее.

Ключевые слова: страдание, удовольствие, стоицизм, страсть, счастье, благо, разум, Логос, философия, логика, диалектика, этика, добродетель, смерть.

Для цитирования:

Королькова А.А. Тема страдания в философии римских стоиков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 16–27. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-16-27>. EDN: CJWLSY

THE THEME OF SUFFERING IN THE ROMAN PHILOSOPHY OF STOICISM

Anna A. Korolkova

Gatchina State University (Gatchina)

The article aims to study the Roman philosophy of Stoicism in terms of the Stoics' analysis of the phenomenon of suffering. The main thesis is the following: Stoic philosophy is able to liberate a modern man, enslaved by the idea of pleasure, from the fear of pain and suffering. The author's approach to the writings by Seneca, Epictetus, and Marcus Aurelius through the prism of suffering can be considered innovative since the existing critical literature on the Roman Stoics has paid much more attention to the problem of pleasure than to the problem of suffering. Analyzing the Roman philosophy of Stoicism, the author discusses the following questions: Are happiness and suffering mutually excluding states? What are the reasons for suffering? What are the criteria of a happy life? Elaborating on these questions, the author uses the historical-philosophical, logical, and hermeneutical methods. The distinguishing characteristic of the Stoic school lies in the affirmation of the creative role of pain on the way toward becoming oneself. The Stoics' idea that suffering is able to highlight a person's spiritual power gives Stoic philosophy a therapeutic power. The existential significance of the Stoic approach to suffering is confirmed by the scientific and practical work of the Austrian scientist Viktor Frankl. Frankl's logotherapy, based on overcoming the «existential vacuum» through the search for meaning, revives the fundamental position of Stoic ethics: no human being is free from suffering; however, everyone is free to choose his attitude to suffering. The article substantiates a principle, common to all of the Roman Stoics, asserting the inextricable link between our beliefs and our ability to withstand the blows of fate. The author analyzes in detail what ideas have a healing power and form the basis of the Stoics' «therapeutic program». Stoic ethics is presented not in isolation but in the context of the whole philosophical doctrine, with taking into consideration the internal interrelations of logic, physics, and ethics. Particularly worthwhile in the article is the author's analysis of Zeno's and Seneca's logical argumentation on the problem of suffering. The today's vital importance of Stoicism is discussed using both ancient and modern texts. In particular, «pop Stoicism» is criticized as bringing the holistic teaching of the Stoics to a form of psychotherapy. In the context of modern Stoicism becoming a real mega-industry in the West, the author is strongly convinced that it is close acquaintance with primary philosophical sources that can counter the reduction of Stoic ideas to a set of lifehacks on how to become more successful.

Keywords: suffering, pleasure, Stoicism, passion, happiness, good, mind, logos, philosophy, logic, dialectics, ethics, virtue, death.

To cite:

Korolkova A.A. [The theme of suffering in the Roman philosophy of Stoicism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 16–27 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-16-27>, EDN: CJWLSY

Данная статья посвящена изучению сущности и причин страдания в философских текстах выдающихся представителей римской Стои: Сенеки (4 до н.э. – 65 н.э.), Эпиктета (50 н.э. – 135 н.э.), Марка Аврелия (121 н.э. – 180 н.э.). Философское наследие римских стоиков обладает огром-

ной экзистенциальной и терапевтической силой для современного человека, порабощенного идеей наслаждения и испытывающего страх перед опытом боли и страдания. Римские стоики создали идеал сильной личности, способной сохранить жизнь и свое личное достоинство в са-

мых сложных ситуациях, порой бесчеловечных. Непреходящей ценностью стоической философии обладают духовные упражнения, исполнение которых формирует искусство жить в согласии с Логосом.

Именно римские стоики нашли ту этическую призму, благодаря которой философские идеи приобрели поистине экзистенциальное звучание. Мы полагаем, что мысль стоиков о том, что страдание способно раскрыть духовную силу человека и высветить его нравственное достоинство, обрела новую жизнь в учении Виктора Франкля, представителя экзистенциальной философии и основателя логотерапии. Виктор Франкль (1905–1997), потерявший во время войны любимых родителей, брата и жену, сам чудом переживший ужасы трех концлагерей: Освенцима, Даахау и Терезиенштадта, — сумел преодолеть боль отчаяния и сохранить веру в высокое предназначение человека. Получив степень доктора медицины в 1930 г. и доктора философии в 1949 г., австрийский ученый открыл собственную неврологическую клинику в Вене, в которой продолжил изучение ноогенных неврозов уже в мирной жизни. В центре исследований Франкля оказалась проблема экзистенциального вакуума, приводившая людей к суициду. В противовес принципу удовольствия Фрейда и воле к власти Адлера, Франкль избрал волю к смыслу в качестве фундамента своей логотерапии. Если традиционная психотерапия была нацелена на восстановление в человеке способности трудиться и радоваться жизни, то логотерапия, не отрицая значимости этого модуса бытия, направлена на восстановление способности страдать. В своей работе «Человек в поисках смысла» Франкль рассматривает страдание как уникальную возможность для человека перерести духовно самого себя: «Повсюду человек сталкивается с судьбой, с шансом превратить свои страдания в достижение» [Франкль В., 1990, с. 217]. На наш взгляд, эта идея современного австрийского ученого уходит корнями в философию стоиков, вдохновившую автора на создание данной статьи.

Александр Арнольдович Столяров в своей работе «Стоя и стоицизм» осуществляет глубокое исследование античной Стои и стоицизма как более широкого духовного течения. Отечественный ученый, подробно раскрывая особенности ранней, средней и поздней Стои, объясня-

ет расцвет этого философского учения в Риме направленностью римских мыслителей не только на созерцание первоначал, но и на практическое воплощение идеала мудрости. Римским стоикам удивительным образом удалось откликнуться не только на вызов времени, но и отразить в своей философии вечные запросы человеческого духа: «Стоя создала учение, к которому люди прибегали в поисках вечных, но при том “человеческих” ценностей... Здесь великая разгадка свободы духа, источник твердости перед лицом безнадежности и умения побеждать несчастья готовностью ко всему» [Столяров А.А., 1995, с. 351–352]. Мужество преодолевать удары судьбы составляет сердцевину стоической концепции, равно актуальной как в эпоху античности, так и в настоящее время.

Возросшая популярность стоических идей в современности связана с острой потребностью человека в обретении незыблемых жизненных ориентиров в ситуации изменчивости и непредсказуемости социальной реальности. Благодаря простоте изложения философских принципов и этической направленности учения идеи стоиков способны помочь даже неподготовленному читателю в преодолении жизненных кризисов. Считаем обращение к текстам стоиков особенно ценным в контексте сравнения античного идеала счастья с современным представлением о счастливой жизни. Подкрепим свою оценку разбором фрагмента из работы Жана Бодрийяра «Общество потребления», а также анализом двух видеолекций о стоицизме.

Французский мыслитель и аналитик современного общества Жан Бодрийяр (1929–2007) рассматривает счастье в качестве «абсолютной точки отсчета общества потребления», противопоставляя философской идеи счастья как внутреннего наслаждения миф о зависимости счастья от внешних критериев успеха: «...Счастье должно быть *измеримо*. Нужно, чтобы оно было *благосостоянием*, измеримым в вещах и знаках, “комфортом”...» [Бодрийяр Ж., 2006, с. 73]. Вся логика современной рекламы направлена на то, чтобы человек жил в ритме вещей, а не в ритме идей. Неудивительно, что при расцвете подобной рыночной идеологии в Интернете набирают популярность видеоролики с характерными для современности названиями: «Как молчание в стоицизме может превратить вас в успешного человека» или же

«15 уроков стоицизма для избежания манипуляций». Тщетно пытаясь обнаружить в указанных видеолекциях следы знакомства с античными первоисточниками, философски образованный слушатель быстро заметит подмену римского стоицизма набором психотерапевтических практик. Представляя стоицизм как легкий путь достижения «эмоциональной автономии» и обретения «внутреннего компаса», авторы видеопосланий почему-то цитируют А. Франк, М. Ганди, Н. Манделу и даже М. Твена, но ни разу не разбирают тексты самих стоиков. Интеллектуальным сюрпризом для критически мыслящей аудитории становится тезис «Заставьте свой разум замолчать!», якобы воплощающий идею стоиков о силе тишины. Насколько этот тезис противоречит всей философии стоиков, понятно любому, кто хотя бы бегло знаком с произведениями античных авторов.

Современная тенденция сводить философию стоицизма всего лишь к разновидности психотерапии стала предметом критического анализа в работах профессора Джорджутанского университета Нэнси Шэрман (1951). В своей статье «What Pop Stoicism Misses About Philosophy» («Что поп-стоицизм упускает из виду в философии»), опубликованной в «The New York Times» 15 мая 2021 г., автор утверждает: «Modern Stoicism has become an industry. And a mega-industry at that» («Современный стоицизм стал индустрией. Мега-индустрией, к тому же» (перевод наш. — А.К.)) [Sherman N., 2021]. Называя современное течение поп-стоицизмом, профессор Шэрман видит единственную возможность противостоять одурманиванию масс рекламными слоганами в том, чтобы самостоятельно и глубоко изучать философские первоисточники: «While self-focused pop Stoicism has thrived in the marketplace, in the classrooms at Georgetown where I teach ancient Stoicism to graduates and undergraduates, it's the promise of that connected self and the potential of contributing to the common good that animate students» («Пока ориентированный на себя поп-стоицизм процветает на рынке, в аудиториях Джорджтауна, где я преподаю античный стоицизм студентам и выпускникам, студентов вдохновляет возможность ощутить свою сопричастность общему делу, а также внести свой вклад в общее благо» (перевод наш. — А.К.) [Sherman N.,

2021]. В частности, Шэрман отсылает своих учеников к произведению Сенеки «О гневе», а именно, цитирует заключительный пассаж из этой работы римского философа: «...давайте пестовать нашу человечность» [Сенека Л.А., 2001, с. 179]. В чем же заключается идея человечности, согласно стоикам, и как ее развить, несмотря на все испытания, как в личной жизни, так и в социуме?

По убеждению стоиков, развитие идеи человечности требует постижения общего закона мироздания и осознания своей включенности в мировое Целое. Главная опасность, которой подвергается античное наследие со стороны поп-стоицизма сейчас, — это тенденция редуцировать целостное учение стоиков до набора жизненных советов о том, как стать успешнее. Эгоцентрическая трактовка стоических идей упускает из виду основополагающий принцип стоической философии: невозможно принести пользу себе, не внеся при этом вклад в общее благо. Человек, концентрируясь на достижении исключительно своих личных целей, отделяется не только от своего ближнего, но и от всего общества в целом. Такой человек, согласно Марку Аврелию, подобен ветви, отсеченной от ствола дерева и утратившей свою жизненную силу. Игнорируя диалектическую связь части и целого, человек обрекает себя на неизбежные страдания, поскольку возводит в закон мироздания заботу о собственных эгоистических интересах. Лишь осознав свою причастность Целому, человек сумеет смиренно переносить лишения и научиться быть благодарным за все происходящее с ним: «...поскольку я буду сознавать себя частью, я не буду недоволен ничем, ниспосыпаемым Целым, ибо то, что полезно Целому, не может быть вредно части» [Марк Аврелий, 1995, с. 342]. Этот «рецепт счастья» от Марка Аврелия имеет действенную силу только в том случае, если принять всю концепцию стоиков, включая их отношение к страданиям.

Цель данной статьи — рассмотреть учение римских стоиков с точки зрения их анализа феномена страдания. В рамках поставленной цели мы раскрываем следующие вопросы: являются ли счастье и страдание взаимоисключающими состояниями? Каковы причины страдания? В чем заключаются критерии счастливой жизни? Эти философские вопросы получили интересную проработку в учении стоиков.

Полагаем, что в критической литературе, исследующей наследие стоиков, больший акцент делали на проблеме удовольствия, нежели на проблеме страдания. На наш взгляд, французский ученый Мишель Фуко в своей книге «Забота о себе» был пристрастен в своей оценке римских стоиков, утверждая, что они «более всего внимания уделяли “проблеме удовольствий”, точнее говоря, беспокойству по поводу сексуальных наслаждений, возможного к ним отношения и надлежащего применения» [Фуко М., 1998, с. 47]. Конечно, тема половой страсти как источника болезни и зла имеет место в размышлениях римских стоиков, но не в качестве основной нити их дискурса.

Мы считаем дискуссионным тезис Фуко о том, что высшей целью заботы о себе в философии стоиков является «возможность чистого наслаждения самим собой» [Фуко М., 1998, с. 256]. Данный тезис был подвергнут критике еще при жизни автора со стороны его соотечественника Пьера Адо. Спор между Пьером Адо и Мишелем Фуко, развернувшийся вокруг интерпретации этической модели стоиков, прекрасно освещен в статье П.А. Гаджиурбановой «“Духовные упражнения” или “забота о себе” (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко)». В частности, Полина Аслановна указывает на разное понимание целей стоической аскезы, артикулированное французскими мыслителями: «В первую очередь, Адо выступает против трактовки этики греко-римского мира как этики удовольствия... цель стоической аскезы заключается не только в овладении собой и обретении внутренней свободы как источника счастья, но в первую очередь — в трансцендировании, в восхождении на иной уровень существования и обретения себя в перспективе космического целого» [Гаджиурбанова П.А., 2009, с. 41]. С точки зрения Адо, стоические упражнения направлены на достижение гармонического союза с универсальным разумом, а не только на создание эстетики существования, как это утверждает Фуко. Согласно Адо, Фуко развивает идею удовольствия вне контекста целостного учения стоиков. По мнению Адо, Фуко предлагает «чересчур эстетизированную культуру себя, то есть, боюсь, новую форму дендиизма — вариант конца XX века» [Адо П., 2005, с. 308].

Доминирующим сюжетом стоической мысли, на наш взгляд, является человек и его судьба в

мире. Лейтмотивом всех рассуждений Эпиктета выступает следующий вопрос: «Так знаем ли мы, что такое человек, какова его природа, каково это понятие?» [Эпиктет, 2022, с. 182] Человек, не знающий, кто он такой, для чего родился и в каком он мироздании, подобен глухому и слепому. Философия, согласно стоикам, рождается не столько из удивления перед красотой и совершенством мироздания, сколько из фиксации противоречивости людских мнений о наиболее важных вещах. Отсутствие единства в представлениях о благе, о счастье, о причинах страдания инициирует философскую мысль, пробуждая стремление к осмысленному поиску нравственных констант: «Философия начинается, у тех, конечно, кто приступает к ней как должно и от порога, с осознания своего бессилия и несостоятельности в необходимых вопросах» [Эпиктет, 2022, с. 121–122]. Римские стоики создали свою концепцию бытия человека в мире, основанную на вере в возможность каждого человека через опору на разум обрести свободу от страхов и ложных представлений о счастливой жизни. Мы убеждены, что обращение современного человека к идеям стоической философии сможет оказать помощь в обретении самого себя и преодолении страдания в круговороте событий мирового и личного порядка.

Особенность стоической школы заключается в утверждении созидающей роли боли на пути к становлению самим собой. Так, Сенека в «Нравственных письмах к Луцилию» пишет: «Я никогда не соглашусь, что не знать боли — благо: боли не ведает цикада, не ведает блоха. Не признаю я благом покой и отсутствие тягот: кто так же празден, как червь?» [Сенека Л.А., 2020, с. 313]. С точки зрения стоиков, не нужно ни избегать страданий, ни осознанно идти к ним навстречу, но вооружиться правильными представлениями, помогающими жить в согласии с божественным Логосом. Именно неправильные представления мешают человеку повиноваться собственному разуму, а не мнениям толпы.

Идеи стоиков способны освободить человека от погони за мнимыми благами и воспитать мужество в перенесении страданий. Римский философ Сенека начинает свое письмо к брату Галлиону со следующего утверждения: «Все люди хотят жить счастливо, брат мой Галлион, но они смутно представляют себе, в чем заключается счастливая жизнь» [Сенека Л.А., 1995,

с. 167]. Античный мыслитель разоблачает общепринятое мнение о том, что обретение счастья доступно каждому и не требует от человека напряженной работы над самим собой. Само стремление к счастью объединяет всех людей, однако представления о том, как его достичь, являются источником как внутреннего разлада, так и разногласий с другими людьми.

В работе «О счастливой жизни» Сенека провозглашает тезис, определяющий доминирующую идею всех стоиков: «...счастлив тот, кто способен правильно рассуждать» [Сенека Л.А., 1995, с. 172]. Именно разум как определенная система представлений выступает в учении стоиков гарантом стойкости духа и радостного принятия любых испытаний судьбы. Философы этого направления обещают своим ученикам «веселость, несмотря на приближение смерти, мужество и радость, несмотря на состояние тела, силу, несмотря на бессилие» [Сенека Л.А., 2020, с. 88]. Однако для обретения всех перечисленных добродетелей и формирования иммунитета от страстей и страданий необходимо не только изменить весь строй мышления, но и подчинить ему свой образ жизни.

Ключ к счастью находится внутри самого человека, поэтому опыт самопознания играет определяющую роль в философии стоиков. Как замечает Эпиктет, и потеря, и спасение заключены внутри нас самих. Рефреном на протяжении всей книги Эпиктета звучит мысль: «...мы и не знаем, кто мы такие» [Эпиктет, 2022, с. 107]. А что иное, как не философия, способно приблизить человека к пониманию самого себя? Первым же шагом на пути к самопознанию является признание собственного несовершенства и необходимости исцеления от пороков души. В этом смысле у философии и медицины общие задачи: «Пусты слова того философа, которыми не врачается никакое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души» [Эпикур, 2023, с. 169]. Эпиктет по-своему развивает идею о сходстве философии и медицины: «Школа философа, люди, это лечебница. Выходить оттуда должны не удовольствие испытав, но боль» [Эпиктет, 2022, с. 263]. Для того, чтобы понять отношение стоиков к опыту боли и страдания, необходимо затронуть не только их этическое учение, но и раскрыть

представление о структуре философского знания в целом.

Основатель школы стоиков Зенон из Китиона первым разделил философское учение на три части: логику, физику и этику, при этом вершинное положение в этой структуре сам Зенон отводил логике, а не этике. В.В. Сапов акцентирует внимание на этом выборе Зенона: «На первый взгляд такая иерархия наук может показаться странной: ведь всем известно, что именно этика представляет собой то центральное ядро их учения, которое вот уже больше двух тысяч лет привлекает к себе внимание и “обычных” читателей, и профессионалов» [Сапов В.В., 1995, с. 7]. Смещение акцентов с логической стороны учения на этическую составляющую происходит в более поздний период развития стоицизма, известный как римский стоицизм. Общим же моментом, объединяющим греческий и римский стоицизм, является утверждение целостности философского знания и неразрывного единства логики, физики и этики.

Диоген Лаэртский осуществляет максимально полный обзор тех метафор, которыми стоики сопровождали свой анализ философской структуры: «Философия, указывают они, подобна живому существу, и логику можно сравнить с костями и жилами, этику — с мясистыми частями, физику — с душой. Подобна она и яйцу, скорлупа которого — логика, белок — этика, желток — физика; или плодоносному полю, ограда вокруг которого — логика, урожай — этика, а земля и деревья — физика; или городу, вокруг которого крепкие стены, и правит которым разум» [Диоген Лаэртский, 1979, с. 281]. Именно разум как универсальный закон мироздания, как принцип единства мирового порядка объединяет логику, физику и этику в единое целое: «На знамени стоицизма значился Разум, универсальный разум, или Логос, как мировой принцип, зиждущий вселенную, и как принцип истинного знания и истинного человеческого поведения» [Трубецкой С.Н., 1994, с. 81].

Вселенная у стоиков представляет собой живой организм, все части которого разумно согласованы друг с другом, поэтому судьба человека не может быть понята вне связи с мировым Логосом. Эпиктет развивает эту мысль о включенности человека в единое космическое пространство следующим образом: «Ведь что такое человек? Частица града, прежде всего со-

стоящего из богов и людей, а затем — называемого так по ближайшему сходству, который есть некое крохотное подобие вселенского града» [Эпиктет, 2022, с. 105].

Сознание единства своей и мировой судьбы помогает стоику преодолеть страх смерти и смириться с неизбежностью страданий. Достижение счастья как полного отсутствия страданий едва ли достижимо в земной жизни, однако способность преодолевать жизненные невзгоды, по убеждению Эпиктета, находится во власти человека и напрямую зависит от понимания и принятия неотвратимости смерти: «Я ведь не вечность, а человек, частица всей совокупности, как час — дня. Я должен настать, как час, и пройти, как час. Так какая же мне разница, как я пройду, утонув ли в море или сгорев в лихорадке?» [Эпиктет, 2022, с. 103]. Следование закону мироздания дает человеку мудрость смиренения перед необходимостью и наполняет душу чувством благодарности за все, ниспосланное судьбой. Согласно примеру Эпиктета, человек, терпящий кораблекрушение, не в силах одержать победу над стихией, но в силах достойно встретить смерть: «Я делаю только то, что могу: тону без страха, без крика, не виня бога, но зная, что рожденное должно и погибнуть» [Эпиктет, 2022, с. 103].

Причина страданий, по убеждению стоиков, может заключаться как в непонимании закона мироздания, так и в нарушении внутреннего строя души. Для счастья необходимо не только осознать свою включенность в единый мировой порядок, но и выстроить этот порядок в собственной душе. Краеугольный принцип стоиков «жить согласно природе» подразумевает не безраздельное господство естественных склонностей над умом человека, а подчинение влечений души разуму.

Выше мы раскрыли единство физики и этики через понятие Логоса как универсального закона мироздания, теперь же перейдем к рассмотрению связи логики и этики. Логическую часть стоики разделяют на риторику и диалектику, подразумевая под диалектикой науку правильно спорить при помощи рассуждений в форме вопросов и ответов. Необходимость владения диалектическим искусством Диоген Лаэртский объясняет так: «Без изучения диалектики мудрец не может быть непогрешим в рассуждении: это она дает распознавать истин-

ное и ложное, различать достоверное и двусмысленное, а без этого невозможны последовательные вопросы и ответы» [Диоген Лаэртский, 1979, с. 283]. Признавая полезность логики в деле обнаружения истины, римские стоики при этом не наделяют ее абсолютной значимостью. Важно подчеркнуть, что поздние стоики настаивают на утверждении лишь инструментальной функции логики, не освобождающей человека от обязанности совершенствовать себя при помощи правильных убеждений. Так, Сенека выступает против тех ученых мужей, которые умеют ловко сводить силлогизмы к схемам, но не властны над пороками собственной души: «Кто приобрел знания и понял, что следует делать и чего избегать, тот еще не мудрец, если его душа не преобразилась в соответствии с выученным» [Сенека Л.А., 2020, с. 380].

Будучи блестящим оратором, прекрасно владеющим всеми логическими приемами, Сенека изнутри критикует логическое учение стоиков. Задача Сенеки — убедить Луцилия в том, что даже виртуозное искусство обнаружения софизмов и паралогизмов не способно сделать человека счастливым. Философ признает важность логики в раскрытии различных технологий манипуляции, однако указывает на беспомощность логического знания в деле нравственного преображения человеческой души. В частности, философ разбирает умозаключение Зенона, изобличающее порок пьянства: «Пьяному никто не доверит ничего тайного; человеку добра тайны доверяют, значит, человек добра не бывает пьян» [Сенека Л.А., 2020, с. 285]. Осуществим логический анализ данного рассуждения. Приведенный выше силлогизм, построенный в согласии с модусом Cesare, формально отвечает обоим правилам второй фигуры простого категорического силлогизма: 1) одна из посылок должна быть отрицательным суждением; 2) большая посылка должна быть общим суждением. Однако лишь формальное соблюдение логических канонов делает это умозаключение чрезвычайно уязвимым для критики.

Сенека анализирует пример, как легко можно привести этот силлогизм к абсурду: «Спящему никто не доверит ничего тайного; человеку добра тайны доверяют, значит, человек добра не спит» [Сенека Л.А., 2020, с. 285]. Посидоний, желая защитить Зенона, указывает на

два значения, в которых используется слово «пьяный»: 1) кто не в себе от выпитого сверх меры и 2) кто всегда напивается и совершенно не властен над этим пороком. Согласно Сенеке, Зенон сам «двусмысленностью искал возможность подвоха, — а этого нельзя делать, если ищешь истину» [Сенека Л.А., 2020, с. 286]. Сенека находит причину зыбкости анализируемого силлогизма в ложности тезиса, будто бы пьяному не доверяют никаких секретов. В целом, разбирая различные логические уловки, Сенека задает вопрос, обнажающий несамодостаточность логического знания: «Со вчерашнего дня меня занимает мысль, ради чего это самые разумные мужи подыскивали для важнейших вещей пустые и путаные доказательства, которые при всей их истинности, так похожи на ложь» [Сенека Л.А., 2020, с. 285].

Сенека анализирует разнообразные примеры логической аргументации стоиков с целью доказать всего лишь методологическую значимость логического инструментария и необходимость поиска иных путей, убеждающих в заботе о чистоте души. Для нашего исследования, посвященного теме страдания, будет интересно рассмотреть под углом критики следующее умозаключение: «Беда — это то, что вредит; вредить — значит делать хуже; но страданье и бедность не делают нас хуже, следовательно, это не беды» [Сенека Л.А., 2020, с. 300–301]. Перед нами сокращенный полисиллогизм, именуемый в логике термином сорит. Сам Сенека опускает подробный разбор логической структуры этого сорита, однако мы восстановим пропущенные звенья исходного умозаключения. Если поменять местами большую и меньшую посылки просиллогизма, то мы распознаем модус Barbara первой фигуры, а при восстановлении пропущенного промежуточного вывода «Беда делает нас хуже» вскроется модус Camestres второй фигуры, образующий эписиллогизм. Почему Сенека не углубляется в детализированное исследование логического каркаса данного умозаключения? Ученый заверяет Луцилия в том, что не получает никакого удовольствия от умения высвечивать формальную структуру силлогизмов и приводить их к просчитываемым схемам, однако охотно обсуждает содержательную сторону умозаключения.

Перипатетики, стремясь опровергнуть приведенное выше рассуждение, выдвигают такой

аргумент: «...не всегда вредить значит делать хуже. Буря и непогода вредят кормчemu, но не делают его хуже» [Сенека Л.А., 2020, с. 301]. Стоики на это возражают, что буря вредит не искусству кормчего, а лишь его делу, состоящему в приведении корабля к намеченной цели. Непогода, напротив, выявляет истинное мастерство кормчего, ведь в случае затишья с управлением кораблем может справиться любой. Тогда перипатетики, продолжая развивать свое сравнение между кормчим и мудрецом, выдвигают новый тезис: «Значит, и мудреца делают хуже бедность, страдание и прочее в этом роде: они не отнимают у него добродетели, но делу его мешают» [Сенека Л.А., 2020, с. 301]. Сенека не принимает этот тезис, обосновывая свое несогласие с данной позицией установлением различий между искусством кормчего и мудреца. Подобно тому, как врачебное искусство направлено на исцеление других, искусство кормчего подчинено внешней цели: обеспечить безопасную дорогу путешественникам. Мудрость же преображает не только тех людей, к которым направляет свою речь мудрец, но и самого человека, обладающего знанием первопричин и первоначал бытия. Поэтому можно навредить кормчemu, мастерство которого подчинено внешнему заказу, но нельзя навредить мудрецу, чье дело состоит в совершенствовании внутреннего строя души: «...тут бессильны и бедность, и страдание, и остальные жизненные бури» [Сенека Л.А., 2020, с. 302].

Сенека сравнивает мудреца с укротителем диких зверей, только вместо свирепых хищников в подчинении у мудреца оказываются людские страсти и всевозможные жизненные невзгоды. Искусство мудреца заключается в способности усмирять беды: «И страданье, и нищета, и поношенье, и темница, и изгнанье, повсюду внушающие ужас, едва попадают к нему, становятся кроткими» [Сенека Л.А., 2020, с. 303]. В чем же кроется секрет стоической мудрости?

Разгадка феномена стоического мужества и бесстрашия лежит в понимании их отношения к страданиям. Общим для всех римских стоиков является утверждение неразрывной связи между нашими убеждениями и способностью выдерживать удары судьбы. Эпиктет так формулирует основную причину людских несчастий:

«...настоящее горе наше происходит не от того, что случается с нами, а от того, что мы неразумно думаем о случившемся» [Эпиктет, 1995, с. 216]. В интерпретации Сенеки идея укорененности наших бед в собственном мышлении выражена следующим тезисом: «...горек не сам урон, а мнение о нем» [Сенека Л.А., 2020, с. 116]. Марк Аврелий, следуя идеям своих предшественников, также усматривает истоки страданий в наших представлениях о них: «Если ты огорчаешься по поводу чего-либо внешнего, то угнетает тебя не сама эта вещь, а твое суждение о ней. Но устраниТЬ последнее — в твоей власти» [Марк Аврелий, 1995, с. 330]. По убеждению стоиков, достижение счастья невозможно без осознания себя «больным» и последующего освобождения от ложных суждений. Какие же представления, с точки зрения стоиков, обладают целительной силой и составляют основу их «терапевтической программы»?

Так, необходимо разграничить все явления на те, которые зависят от нас, и те, которые не зависят от нас. Согласно завету Эпиктета, в отношении вещей, не зависящих от свободы воли, нужно проявлять смелую уверенность, а в отношении вещей, зависящих от свободы воли, — осмотрительность. Весь вопрос в том, как определить, что в нашей власти, а что вне нашей власти? Связывая свое счастье с вещами преходящими, такими как богатство, успех, слава, человек сам обрекает себя на страдания, ибо удержать эти дары фортуны не в его силах. Человек, стремящийся сохранить внешние блага любой ценой, ничем не отличается от больного, страдающего лихорадкой или другим телесным недугом: «Когда человек желает того, что ему не дано, и отвращается от того, чего он избежать не может, то у него желания не в порядке: он болен расстройством желаний точно так же, как люди бывают больны расстройством желудка или печени» [Эпиктет, 1995, с. 212].

Согласно Эпиктету, человек должен научиться желать того, чего желает бог. Обретение высшей гармонии требует усвоения следующего принципа: «Благо — это, конечно, добродетели и все причастное им, зло — это пороки и все причастное пороку, а безразличное — это все что между ними: богатство, здоровье, жизнь, смерть, удовольствие, страдание» [Эпиктет, 2022, с. 156]. В том, что касается разграничения блага и зла, стоики не утверждают

ничего революционного, а вот трактовка категории безразличного вызывает немало споров. Тезис о том, что ни красота, ни здоровье не зависят от нас, и вовсе кажется чуждым современному мировоззрению. Так почему же Эпиктет относит к вещам безразличным все то, чего люди боятся больше всего: изгнание, тюрьму, пытки, смерть? Согласно логике философа, ничто из перечисленного выше не зависит от нашей свободы воли, а потому не может навредить нашему душевному строю. Высшее благо в учении стоиков — это добродетель, а ее сохранение находится всецело во власти человека. Различные удары судьбы не только не способны навредить добродетельному человеку, но и должны расцениваться им как прекрасный случай проявить свои внутренние достоинства. Телесные страдания не являются преградой к достижению счастья, а напротив, закаляют дух в борьбе с жизненными испытаниями: «...даже терпящий сильную и непрерывную боль может не быть несчастным и даже быть блаженным...» [Сенека Л.А., 2020, с. 359].

Отдельного рассмотрения заслуживает отношение стоиков к смерти. Эпиктет утверждает, что ни страданий, ни смерти нельзя избежать, т.к. они предопределены самой природой. Неотвратимость смерти должна помочь человеку осознать свое назначение и успеть раскрыть свою природу в отведенное судьбой время. Эпиктет усиливает эту идею через сравнение между смертью человека и гибелью колоса: «А никогда не быть сжатыми это для колосьев — проклятье. Знайте, что вот так же и для людей не умереть — проклятье. Это все равно что не созреть, не быть сжатыми» [Эпиктет, 2022, с. 107].

Понимание конечности человеческого бытия обладает созидающим смыслом для человека, спешащего осуществить себя как нравственное произведение искусства. Незримое присутствие смерти в повседневности обостряет ценность каждого мгновения жизни. Так, лейтмотивом всех размышлений Марка Аврелия выступает следующий принцип: «Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним» [Марк Аврелий, 1995, с. 279].

Еще основатель Стои, Зенон Китийский, стремясь освободить человека от страха смерти, предложил следующее умозаключение: «Зло не

может быть славным, смерть бывает славной, значит, смерть не есть зло» [Сенека Л.А., 2020, с. 278]. Сенека довольно иронично отзыается о способности данного силлогизма избавить в реальности от страха смерти. Согласно Сенеке, не сама смерть является славной, а мужество в ее принятии. И страдания, и смерть приобретают этическую окрашенность только благодаря сочетанию с добродетелью: «Все это само по себе не может быть ни честным, ни славным; но к чему приблизилась и прикоснулась добродетель, то она делает и честным, и славным» [Сенека Л.А., 2020, с. 279].

Особую роль в достижении счастья и воспитании мудрого отношения к страданиям играет искусство жить в настоящем, не жалея о прошлом и не боясь будущего. Сенека, желая научить Луцилия «не быть несчастным прежде времени», анализирует интересную особенность человеческой природы: «Многое мучит нас больше, чем нужно, многое прежде, чем нужно, многое — вопреки тому, что мучиться им вовсе не нужно. Мы либо сами увеличиваем свои страданья, либо выдумываем их, либо предвосхищаем» [Сенека Л.А., 2020, с. 33]. В основе этого любопытного феномена лежит способность воображения доставлять человеку гораздо больше страданий, чем действительность. Прекрасно раскрывая перед Луцилием тезис о том, что вымыщенное нередко тревожит нас сильнее, нежели реальность, философ предлагает стратегию освобождения от страха будущих страданий: «Даже если нам предстоит страданье, что пользы бежать ему навстречу? Когда оно придет, ты сразу начнешь страдать, а покуда рассчитывай на лучшее» [Сенека Л.А., 2020, с. 34]. И вновь на помощь Сенека призывает разум, убеждая своего собеседника не тревожить себя напрасными страхами раньше времени: «Но ведь если бояться всего, что может случиться, то незачем нам и жить, и горестям нашим не будет предела. Тут пусть поможет тебе рассудительность...» [Сенека Л.А., 2020, с. 35].

Вера в спасительную силу разума, равно как и стремление к созданию целостной, внутренне непротиворечивой системы взглядов на мир, не освобождает философию стоиков от ряда парадоксов. Некоторые положения стоической этики и вовсе вызывают внутренний протест, т.к. противоречат не только привычному способу мысли, но и кажутся противоестественными.

Трудно удержаться от критики, читая следующие строки: «Какое зло в том, если, целуя дитя, пришептывать: “Завтра ты умрешь”...» [Эпиктет, 2022, с. 277]. Безразличие к смерти, проповедуемое стоиками, достигает абсурда, когда речь заходит не о формировании бесстрашения перед собственной кончиной, а о восхвалении равнодушия к утрате наших близких: «Мудрого не удручет утрата детей или друзей: он с тем же спокойствием переносит их смерть, с каким ждет своей, и как своей смерти он не боится, так о смерти близких не горюет» [Сенека Л.А., 2020, с. 234–235].

Готовность к любым поворотам судьбы, воспитываемая стоиками, безусловно, составляет внутреннюю ценность личности, однако едва ли волеима в жизнь следующая максима Эпиктета: «Человек, в тюрьму ты должен отправляться радуясь, спеша, опережая уводящих тебя» [Эпиктет, 2022, с. 275]. За этими словами Эпиктета стоит убежденность в способности человеческого разума даровать спасение от страхов. Согласно философу, бояться нужно вовсе не смерти и страданий, а неуправляемого страха перед тем, что неизбежно ждет каждого человека. Идеал мудреца, свободного от страхов и мужественно переносящего все испытания судьбы, образует неотъемлемую часть стоической этики.

Неподверженность страсти, к которой должен стремиться мудрец, формирует не только культуру себя, но и чувство благодарности за все, ниспосланное свыше. Стоики исходят из тезиса: «Чем ближе к бесстрастию, тем ближе к силе» [Марк Аврелий, 1995, с. 355]. Сила духа проявляется в отношении человека к страданиям. Мудрец и в тюрьме не сокрушается: «О горе мне!» или «Несчастный я!», — а смиренно принимает волю бога, благодаря за все те дары, которые были даны ему, хоть и на время. Поэтому мы не согласны с Николаем Гартманом в следующей оценке стоиков: «Именно “автаркия мудреца”, которой ничего уже не нужно, есть его отвержение, пустое самолюбование в отказе. Добродетель стоиков оборачивается неблагодарностью к жизни, миру, действительности» [Гартман Н., 2002, с. 150]. Напротив, стоики учат благодарить за каждое мгновение жизни и не роптать на судьбу из-за потери каких-то благ: «Человек, не будь неблагодарным за это, да и не будь

непомнящим о лучшем, чем это. За зрение и слух, клянусь Зевсом, за самое жизнь и все содействующее ей, за сухие плоды, за вино, за оливковое масло будь благодарен богу» [Эпиктет, 2022, с. 175].

Список литературы

Адо П. Размышления о понятии «культуры се-бя» // Адо П. Духовные упражнения и античная философия: пер. с фр. М.; СПб.: Степной ветер: Коло, 2005. С. 299–309.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е.А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 269 с.

Гаджикурбанова П.А. «Духовные упражне-ния» или «забота о себе» (стоическая этика в ин-терпретации П. Адо и М. Фуко) // Этическая мысль. 2009. Вып. 9. С. 27–42.

Гартман Н. Этика / пер. с нем. А.Б. Глаголева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 708 с.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изре-чениях знаменитых философов / пер. с древне-греч. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979. 622 с.

Марк Аврелий. Наедине с собой: Размышле-ния / пер. с древнегреч. С.М. Роговина // Рим-ские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вступ. ст., сост. В.В. Сапова. М.: Республика, 1995. С. 271–363.

Сапов В.В. О стоиках и стоицизме // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вступ. ст., сост. В.В. Сапова. М.: Республика, 1995. С. 5–12.

Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию / пер. с лат. С.А. Ошерова. М.: АСТ, 2020. 640 с.

Сенека Л.А. О гневе // Сенека Л.А. Философ-ские трактаты / пер. с лат. Т.Ю. Бородай. СПб.: Алетейя, 2001. С. 103–179.

Сенека Л.А. О счастливой жизни / пер. с лат. С.Ц. Янушевского // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вступ. ст., сост. В.В. Сапова. М.: Республика, 1995. С. 167–192.

Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: Ками Групп, 1995. 448 с.

Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994. 816 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева и др. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе / пер. с фр. Т.Н. Титовой, О.И. Хомы. Киев: Дух и литература: Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.

Эпиктет. Беседы / пер. с древнегреч. Г.А. Тароняна, В.А. Алексеева. М.: АСТ, 2022. 480 с.

Эпиктет. В чем наше благо? / пер. с древне-греч. В.Г. Черткова // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вступ. ст., сост. В.В. Сапова. М.: Республика, 1995. С. 205–251.

Эпикур. Главные мысли / пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова и др. М.: ACT, 2023. 224 с.

Sherman N. What Pop Stoicism Misses About Philosophy // The New York Times. 2021. May 15. Section A. P. 19. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/14/opinion/stoics-self-help.html?ysclid=m49n06mk26919619451> (accessed: 04.12.2024).

References

Baudrillard, J. (2006). *Obschestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The consumer society: Myths and structures]. Moscow: Respublika Publ., Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 269 p.

Diogenes Laertius. (1979). *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [The lives and opinions of eminent philosophers]. Moscow: Mysl' Publ., 622 p.

Epictetus. (1995). [What is our good?]. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avreliy, sost.*

V.V. Sapov [V.V. Sapov (ed.) The roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow: Respublika Publ., pp. 205–251.

Epictetus. (2022). *Besedy* [The discourses]. Moscow: AST Publ., 480 p.

Epicurus. (2023). *Glavnye mysli* [Fundamental propositions]. Moscow: AST Publ., 224 p.

Foucault, M. (1998). *Istoriya seksual'nosti – III: Zabota o sebe* [The history of sexuality. Vol. 3: The care of the self]. Kyiv: Dukh i litera Publ., Grunt Publ. Moscow: Refl-Buk Publ., 288 p.

Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for ultimate meaning]. Moscow: Progress Publ., 368 p.

Gadzhikurbanova, P.A. (2009). [«Spiritual exer-cises» or «The care of the self» (the stoic ethics in the interpretation by P. Hadot and M. Foucault)]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought]. Iss. 9, pp. 27–42.

Hadot, P. (2005). [Reflections on the idea of the «cultivation of the self»]. *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual exercises and ancient philosophy]. Moscow, St. Petersburg: Stepnoy veter Publ., Kolo Publ., pp. 299–309.

Hartmann, N. (2002). *Etika* [Ethics]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 708 p.

Marcus Aurelius. (1995). [Meditations]. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avreliy, sost.*

V.V. Sapov [V.V. Sapov (ed.) The roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow: Respublika Publ., pp. 271–363.

Sapov, V.V. (1995). [About stoics and stoicism]. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avreliy, sost. V.V. Sapov* [V.V. Sapov (ed.) The roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow: Respublika Publ., pp. 5–12.

Seneca, Lucius Annaeus (1995). [On the happy life]. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avreliy, sost. V.V. Sapov* [V.V. Sapov (ed.) The roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow: Respublika Publ., pp. 167–192.

Seneca, Lucius Annaeus (2001). [On anger]. *Seneka Lutsiy Anney. Filosofskie traktaty* [Seneca

Lucius Annaeus. Philosophical works]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., pp. 103–179.

Seneca, Lucius Annaeus (2020). *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral letters to Lucilius]. Moscow: AST Publ., 640 p.

Sherman, N. (2021). What pop stoicism misses about philosophy. *The New York Times*. May 15. Section A, pp. 19. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/05/14/opinion/stoics-self-help.html?ysclid=m49n06mk26919619451> (accessed 04.12.2024).

Stolyarov, A.A. (1995). *Stoya i stoitsizm* [Stoa and stoicism]. Moscow: Kami Group Publ., 448 p.

Trubetskoy, S.N. (1994). *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl' Publ., 816 p.

Об авторе

Королькова Анна Александровна
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры педагогики, социальной работы
и гуманитарных дисциплин

Гатчинский государственный университет,
188300, Ленинградская обл., Гатчина,
ул. Рошинская, 5;
e-mail: korolkova-anya@yandex.ru
ResearcherID: LKJ-9870-2024

About the author

Anna A. Korolkova
Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Pedagogy,
Social Work and Humanitarian Disciplines

Gatchina State University,
5, Roshchinskaya st., Gatchina, Leningrad region,
188300, Russia;
e-mail: korolkova-anya@yandex.ru
ResearcherID: LKJ-9870-2024